

Зубелевич Юлия Михайловна

**Кронштадт. Воспоминания
революционерки 1906 г**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ю36

Ю36 **Юлия Михайловна З.**
Кронштадт. Воспоминания революционерки 1906 г: Часть 1 / Зубелевич Юлия Михайловна – М.: Книга по Требованию, 2022. – 148 с.

ISBN 978-5-519-86424-4

ISBN 978-5-519-86424-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Движимая глубокимъ чувствомъ любви и уваженія къ старымъ борцамъ—соратникамъ, чувствомъ присклоненія и благодарности за тѣ неизгладимыя свѣтлыя переживанія, которые дали они мнѣ, я приложила всѣ усилія, чтобы собрать все, что касается какъ самаго возстанія, какъ предшествующаго времени подготовки, такъ и послѣдующей полосы царскихъ звѣрскихъ расправъ; бережно собирала всѣ детали о казненныхъ, стараясь полнѣе обрисовать ту картину моральнаго подъема, ту страстную жажду служенія народу, которая охватила широкія массы въ 1906 году.

Не моему неопытному и неодаренному перу было браться за подобный трудъ. Не разъ въ отчаяніи я бросала его, боясь исказить или изсушить всю картину, величіе которой не поддавалось моему описанію. Но мысль о замурованныхъ товарищахъ по тюрьмамъ и каторгамъ по всей необъятной Россіи, ихъ просьбы и завѣщанія описать столь дорогое для нихъ прошлое для поученія потомству, заставляли меня устыдиться своего малодушія. А тутъ еще помощь со стороны товарищей какъ моральная, такъ и фактическая, которая приходила такъ всегда кстати. Какъ учесть ту пользу, которую внесъ въ мой трудъ каждый изъ нихъ! Но имена В. М. Чернова, И. Е. Вольнаго, Н. С. Климовой я должна отмѣтить особо—такъ многимъ эта работа обязана имъ; первому—какъ незамѣнимому редактору всего труда, а двумъ послѣднимъ—какъ литераторамъ помогшимъ мнѣ въ обработкѣ матеріала.

Много пробѣловъ, въ частности б. м. даже неправильностей, много несовершенствъ въ этомъ изданіи. Но вѣдь и въ такомъ несовершенномъ видѣ книга можетъ послужить канвой для будущаго историка; вѣдь со всѣми ея недочетами она сможетъ подтолкнуть другихъ участниковъ для написанія своихъ воспоминаній б. м. болѣе удачныхъ и цѣнныхъ.

Вѣдь и при всѣхъ своихъ несовершенствахъ она сможетъ вызвать вздохъ облегченія у товарищей участниковъ возстанія, живущихъ вдали отъ друзей, закинутыхъ въ глушь при мысли, что лучшіе завѣты прошлаго нашли путь связаться съ настоящимъ, а черезъ настоящее—отбросить свой отблескъ и на будущее.

И если чтеніе этой книги заставитъ читателя глубже вникнуть въ происходящее, и горячій порывъ охватить его душу, буду считать свою задачу выполненной.

Авторъ.

ГЛАВА I.

Разгулявшаяся стихія.

Какъ сейчасъ помню этотъ день. Высокая, чистая, хорошо убранная комната въ домѣ одного «сочувствующихъ» нашему дѣлу. Въ ней набилось болѣе 30 человѣкъ. Отовсюду глядятъ необычныя для такой обстановки, грубныя, загорѣлыя лица. Это — матросы, прибывшіе изъ Кронштадта къ намъ въ Петербургъ искать интеллигентовъ, которые помогли бы имъ организовать для революціи и руководили бы ими.

Эти люди уже приняли тюремное крещеніе. Ихъ судили по дѣлу о безпорядочномъ бунтѣ, который стихійно вспыхнулъ въ Кронштадтѣ осенью 1905 года и выродился къ ужасу болѣе сознательныхъ въ нелѣпый, дикій, пьяный погромъ. Кошмаръ этого погрома тяготѣетъ надъ ихъ умами, и они упорно изъ него исходятъ и къ нему возвращаются во всѣхъ своихъ разговорахъ.

— Вы хотите знать, какъ и почему все это вышло?— какъ бы въ раздумьи переспрашиваетъ Калмаковъ, маленький матросъ съ упорнымъ взглядомъ тревожныхъ, печальныхъ глазъ.— Да какъ вамъ сказать? Перво-наперво война... Потомъ манифестъ о свободахъ... Митинги, на которые ходили прямо толпами... Вліянія неблагонадежныхъ, которыхъ привозили къ намъ изъ другихъ гарнизоновъ вродѣ какъ въ ссылку... Такое время было, что не только съ нами, кто посознательнѣе, но и со всей массой словно что сдѣлалось: тревога какая-то, безпокойство... такъ и позывало чѣмъ-нибудь проявить себя, разбить дисциплину проклятую... Дома терпимости почитай каждый день громили... И вотъ, однажды вбѣгаетъ къ намъ, въ морскіе экипажи, рота пѣхотинцевъ съ фельдфебелемъ во главѣ—и кричать:

— Свобода! Долой дисциплину!

Зачѣмъ? Почему? По какому случаю? И посейчасъ толкомъ не извѣстно. Изъ за недовольства писчей, кажется. Ну, разумѣется, тотчасъ тревога. Ихъ заарестовали и по-

везли на форты. Съ этого все и пошло. «Заступитесь, товарищи! За свободу страдаемъ!»—закричали они изъ оконъ вагона. Услышали матросы, окружили вагонъ. «Ура! На помощь! Не выдавать товарищей!»—«Не выдадимъ!» Поднялась свалка. Двое изъ арестованныхъ въ суматохѣ скрылись. Конвой—стрѣлять. Кос-кого поранили, одного изъ отбивавшихъ убили на смерть. Вѣсть объ этомъ какъ по беспроволочному телеграфу облетѣла весь городъ. Матросы высыпали на улицы, наводнили площади. Только и слышно: «Братцы! Нашихъ бьютъ! Къ оружію! Мы имъ покажемъ, какъ въ насъ стрѣлять!» Слово кто головню въ пороховой погребъ подбросилъ.

Вспыхнулъ сразу и нашъ седьмой экипажъ. «Подымайся, ребята! Выходи на улицу! Свобода!» Я было ихъ уговаривать: «Братцы! Еще нѣтъ изъ центра приказа возставать! Все погубите, если теперь начнете. Васъ нарочно сбиваютъ недруги ваши. Не слушайте ихъ, не поддавайтесь обману!»—А они на меня: «Ага! проповѣдывать—такъ ты первый! А какъ до дѣла дошло, такъ и на попятную! Нѣтъ, братъ, шалишь, не выпустимъ. Веди, такой-сякой!» И штыки на меня наставляютъ.

Вижу никакого сладу нѣту. «Ладно, говорю, только вотъ сбѣгаю за однимъ штатскимъ, тутъ по близости. Съ головой парень, научить, что дѣлать.»—«На кой, кричатъ, бѣсъ далъ намъ твой штатскій! Знаемъ, братъ, улизнуть хочешь. А это видаль?» И опять штыками грозятся. Совсѣмъ, какъ есть, темный народъ! А вѣдь нашъ экипажъ, почитай, самый сознательный былъ. Авралъ форменный поднялся. На дворъ уже вышли. Палятъ зря по воздуху. Галдежъ, сумятица. Рядомъ, въ четвертомъ, то же самое. Нечего дѣлать, соединилъ всѣхъ, построилъ. «Веди—кричать,—къ артиллеристамъ!» Повелъ.

Дошли по Соборной до угла Павловской. Еще пошли... Вдругъ изъ оконъ Сѣверныхъ казармъ выстрѣлы на насъ посыпались. Раненные валятся, убитые. Товарищъ Сахаровъ первый палъ мертвымъ. Крики, стоны... Остановились наши. А потомъ вразсыпную, кто куда. Иные и винтовки побросали.

Разбѣжались по городу. А около матросовъ уже посачи (хулиганы) увиваются, подбиваютъ напасть на казенки и на съѣстные лавки. Въ одномъ мѣстѣ, слышу, посачъ ораторствуетъ: «Ну, давайте, братцы, хоть одну съѣстную разобьемъ, закусокъ достанемъ. Все равно, грабители—купцы отъ насъ наживаются! Наше добро, братцы, наша кровь!»—«Ребята,—кричатъ наши,—сшивай (бей) чертову сволочь! Чего она смущаетъ честной народъ!» Набросились на посача,—еле ноги уволокъ.

А за угломъ ужъ, слышимъ, стекла бьютъ, ставни.

ломають. Громять лавку. А подальше монополька уже разграблена. Водка льется, море разлитое. И посади и нашъ братъ, уже натрескавшись, кричатъ: «Бей, пей! Одинъ отвѣтъ! Не жалѣй Романовскаго добра!» Стали мы съственную лавку отстаивать, надавили на пьяныхъ. А хозяинъ струсилъ, изъ окна товаръ свой выкидываетъ, бутылки съ виномъ, баранки, колбасу. Народъ внизу ловить. Свалка, крики, визгъ, пьяный хохотъ.

Какъ увидалъ я, что матросъ къ водкѣ припалъ, всосался въ нее, подлюю,—сразу понялъ—конецъ всему. А тутъ и пожары начались,—съ пьяныхъ глазъ поджигать стали.

— Да, ужъ водка, это пропащее дѣло, — подтверждаетъ какой-то другой матросъ,—и сейчасъ же эхомъ отзываются остальные: «Все она, подлая! Первымъ дѣломъ всю ее въ море выльемъ, какъ снова начинать доведется!»

— Туда ее!

Снова и снова возвращаются къ бунту. И мало-помалу передъ нами, слушателями, встаетъ во весь ростъ эта жуткая картина разбушевавшейся стихіи.

Головня, подброшенная въ пороховой складъ. Что значила эта выходка со стороны роты пѣхотинцевъ съ фельдфебелемъ во главѣ? Прорвалось накопившееся подъ вліяніемъ необычайныхъ событій возбужденіе? Или то была сознательная провокація? Разобрать мудрено. Зато все остальное такъ понятно, такъ естественно вытекаетъ изъ этого начала.

Возбужденные сценой ареста, стрѣльбой и вѣстями, что «нашихъ бьютъ», матросы врываются въ свои экипажи (казармы) и вооружаются. Офицеры—на-утекъ. Матросы вслѣдъ имъ гогочутъ и улюлюкаютъ. Кое-кто кидается къ офицерскимъ квартирамъ и громить ихъ. Остальные валяютъ толпой на улицу, смѣшиваются съ городскими подонками,—и вскорѣ сами превращаются въ настоящихъ хулигановъ.

Я живо представляю себѣ этотъ переворотъ въ душѣ простого малосознательнаго матроса. Такъ это необычно и такъ, должно быть, неудержимо притягательно—вырваться, быть-можетъ, въ первый разъ въ жизни, изъ крѣпкихъ желѣзныхъ рамокъ казарменнаго режима,—и дать полную волю взбудораженнымъ, разошедшимся страстямъ. Безъ думъ, безъ размышленій, безъ страха и загадываній въ будущее,—просто отдаться клокочущему чувству мести, упиться безграничной свободой, сознавать себя стихійной, безудержной силой. Стрѣлять, убивая этимъ послѣднюю искру смѣлости въ офицерахъ; рвать, ломать, разрушать все кругомъ; пить, пѣть, кричать безцѣльно, бѣжать куда-то; встать въ окнѣ монопольки и бросать съ высоты бутыл-

ку за бутылкой, бросать съ ожесточеніемъ, съ радостью, съ ненасытнымъ весельемъ, и слышать, какъ дребезжитъ и звенитъ бьющееся стекло, или видѣть, какъ ловко подхватываютъ бутылки протянувшіяся внизу жадныя руки.

Что имъ, этимъ обезумѣвшимъ отъ вина и возбужденія, что имъ за дѣло, что революція ими опозорена, обезчещена, что лозунгъ свободы затоптанъ ими въ грязь?

Такія думы тревожатъ лишь Калмакова и его немногочисленныхъ друзей. Чувствуя свое безсиліе, они кидаются за подкрѣпленіями. Увы, безуспѣшно! Къ минерамъ не проберешься, потому что разведенъ подъемный мостъ. На форты, къ артиллеристамъ, не проѣдешь, такъ какъ уведены катера. Арсеналь занятъ сильной стражей. Этотъ рядъ неудачъ наполняетъ ихъ души отчаяніемъ. Но они все-таки пытаются то тутъ, то тамъ отвлечь темныхъ людей отъ пьянаго дѣла. Только—что могутъ они, ничтожная горсточка!

— Что ты зря палишь? Только на вольныхъ (штатскихъ) страхъ наводишь.

— А ежели мнѣ эдакъ нддрравится! Вотъ хочу у Ваньки Кронштадтскаго часы съ собора сшибить.

И матросъ продолжаетъ стрѣлять, отмахнувшись отъ непрошенныхъ указчиковъ.

А что же власти, жрецы дисциплины и блюстители порядка? Безъ труда помѣшавъ всѣмъ попыткамъ сознательныхъ, они пасуютъ передъ возбужденной толпой. Въ одномъ мѣстѣ показались было драгуны, но встрѣченные гикашемъ и градомъ камней, пришпорили лошадей и скрылись. Боевые полуроты, на обязанности которыхъ слѣдить за порядкомъ въ городѣ, чувствуютъ свое безсиліе и держатся въ сторонѣ отъ бунтующихъ улицъ. Высшее начальство засѣдаетъ гдѣ-то въ безопасномъ мѣстѣ и требуетъ войскъ изъ Питера.

Никто и ничто не мѣшаетъ пока громиламъ. Напротивъ, все кругомъ какъ бы поощряетъ ихъ; и эта угодливость напуганныхъ обывателей, и эти возбуждающіе крики и призывы, и весь этотъ пьянящій хаосъ и шумъ. И бушуетъ стихія на полномъ просторѣ больше двухъ сутокъ, почти до полного насыщенія.

У татарскихъ рядовъ погромъ въ полномъ разгарѣ. Солдаты, матросы, хулиганы, женщины—всѣ смѣшались въ одну кучу. Одинъ громила напяливаетъ новое платье. Другой, не торопясь, складываетъ награбленныя вещи въ щегольской чемоданъ. Подъ ногами валяются куски разорванной матеріи. Летятъ пустыя жестянки отъ консервовъ. Закинувъ голову, матросъ сосетъ изъ бутылки дорогую мадеру. Нищенка прячетъ въ котомку золотыя вещи, которыя ей передаетъ торопливо посащъ. Въ воздухѣ стоитъ

туль отъ криковъ, хохота, свиста, отъ падающихъ горящихъ балокъ неподалеку. Клубится и стелется дымъ; пламя кидаетъ зловѣщіе отблески.

У музыкальнаго магазина граммофонъ играетъ арію Ленскаго. Меланхолическая музыка Чайковскаго то пропадаетъ, то вновь появляется среди общаго шума. Вокругъ разсѣлись кучкой матросы. Блаженные, пьяныя улыбки. По рукамъ ходить бутылка «очищенной». Одинъ изъ слушателей начинаетъ подпѣвать:

«Ахъ, зачѣмъ эта ночь
Такъ была хороша!»

— Эй, голова! Да ты совсѣмъ не ту ноту тянешь!

■ — Буде!—бормочетъ въ отвѣтъ пѣвецъ:—Было время—мы имъ подтягивали, а теперь пускай-ка они попадаютъ намъ въ ноту!

■ Поодаль матросъ обнимаетъ солдата, мѣняясь съ нимъ скрипкой на гитару. Послѣ мѣны каждый ставитъ могоарычъ, пьютъ и обнимаются.—Братья мы теперь. Сухопутный ли, флотскій ли,—все едино. Отъ начальства-то одинако терпимъ.—У васъ ли, у насъ ли начальство,—все едино сволочъ на сволочи!

Въ результатѣ бунта (по даннымъ обвинительнаго акта): убитыхъ и умершихъ отъ ранъ 24 чел., раненыхъ—74, сожженныхъ—2 камен. и 2 дерев. дома. Сожжено и разграблено—120 торг. и промышл. заведеній и нѣсколько частныхъ квартиръ.

Мелкія поврежденія въ Морскомъ Собраніи и въ библіотекѣ, въ двухъ офицерскихъ флигеляхъ и въ нѣсколькихъ казармахъ.

Пришли въ себя власти, заняли свои мѣста бѣжавшіе было офицеры, вылезли изъ своихъ угловъ и «шкуры» (сверхсрочные унтеръ-офицеры).

Пришли въ себя и матросы, запертые въ казармахъ, въ тюрьмахъ и на фортахъ. Одни съ похмѣлья протирали глаза. Другіе метались по камерамъ, какъ раненые звѣри, хватаясь за голову и тщетно стараясь понять,— какъ же это такъ вышло? какъ они, сознательные, не сумѣли во время сдержать стихію? И только ничѣмъ неисправимые балагуры и весельчаки упражняли свое остроуміе, безъ конца черпая для него пищу въ только что минувшихъ событіяхъ.

Съ какимъ жаднымъ, все растущимъ интересомъ вслушивалась я въ эти матроскія рѣчи, пересыпанныя шутками и прибаутками, сверкающія, словно самоцвѣтные камни, яркими образами и неожиданными сравненіями! Словно бурные горные ручьи, отдѣльные короткіе рассказы и замѣчанія встрѣчались перекрещивались, сливаясь въ

общій потокъ, еще болѣе бурлящій то веселымъ юморомъ, то гнѣвной, сдержанной силой

Яркой радугой, широко обнявшей весь горизонтъ, рисовалось для меня въ этихъ рѣчахъ будущее, когда осознавшая себя матроская и солдатская сила поможетъ русскому народу проложить себѣ широкую дорогу впередъ, къ свѣтлымъ перспективамъ свободной жизни. Въѣстъ съ тѣмъ слышались въ нихъ далекіе раскаты грома, зловѣщіе предвѣстники грозы, какъ будто надвигалась тяжелая свинцовая туча озлобленія, прорѣзаясь зарницами гнѣва и зрѣющей мести—безжалостной и безпощадной.

Я вижу, какъ стянуты мускулы на лицѣ Калмакова, какъ сведены его брови. Жжетъ его душу позоръ, покрывшій матроса, жжетъ мысль о томъ, во что выродилось святое дѣло, о которомъ онъ такъ долго и такъ сосредоточенно мечталъ... Скорѣй, скорѣй, нужно поправить дѣло, смыть нестерпимый позоръ!

ГЛАВА II.

На перепутьи.

Это свиданіе съ матросами, эти разговоры, эти рассказы, — и въ заключеніе, — ихъ просьбы, ихъ мольбы придти къ нимъ на помощь — словно перевернули меня.

Такъ живо представилось мнѣ, что народъ, это — былинный Илья Муромецъ, сиднемъ просидѣвшій не «тридцать лѣтъ и три года», а цѣлыя вѣка, и ждущій только, чтобы прохожій сказалъ ему вѣщее слово: «Встань, подымись, разогни свою мощную спину, испробуй непочатую богатырскую силу и убѣдись, что ты все можешь, если захочешь»!

Что такое я, что такое кучка товарищей, отдавшихъ дѣлу свободы и социализма, что всѣ мы въ сравненіи съ этимъ гигантомъ, не сознавающимъ своей силы? Ничто... И все же онъ молить насъ о помощи, какъ левъ, попавшій въ тенета, молилъ ничтожную полесвую мышку перегрызть сковывавшіе его путы. Да, онъ бьется въ тенетахъ незнанія, и мы, только, мы, на чью долю выпало счастье припасть къ родникамъ науки, подойти къ источникамъ свѣта человѣческаго разума, можемъ помочь ему. И мы должны. Да, должны. Ибо если не мы, то кто же? И если не теперь, то когда же?

И еще вспомнилась мнѣ старая сказка о спящемъ царевичѣ въ огромномъ заколдованномъ царствѣ. Надъ нимъ тяготѣютъ чары, въ его волосы воткнута волшебная булавка. Надо только пробраться къ нему черезъ всѣ

препятствія—военное положеніе въ Кронштадтѣ, полицейскую охрану, тучи соглядатаевъ и шпионовъ—и вынуть эту злую булавку. Царевичъ тогда проснется и самъ раздѣляется со своими врагами и со всѣмъ ихъ злымъ волшебствомъ. Темнота, отъ которой страдаютъ, на которую жалуются кронштадтскіе матросы,—вотъ она, роковая булавка!

Но вмѣстѣ съ тѣмъ пришли на память и старые споры съ товарищами, студентомъ Дмитріемъ и рабочимъ Никитой, которые еще раньше убѣждали меня ѣхать съ ними въ Кронштадтъ. Въ ихъ рѣчахъ Кронштадтъ всегда выплывалъ изъ тумана обвѣянный чѣмъ-то мистическимъ—могучій, величественный, загадочный. Въ ихъ отношеніи къ нему было трогательное сочетаніе чисто материнской нѣжности и почти религіозныя обожанія. Свой энтузіазмъ они пытались вдохнуть въ меня.

— Доминирующее положеніе... Опорный пунктъ для возставшаго флота... Ключъ къ столицѣ... Близость къ зимней и лѣтней резиденціямъ царя... Ультимативное требованіе созыва Учредительнаго Собранія, предъявленное властнымъ голосомъ двѣнадцати-дюймовыхъ морскихъ орудій...

Воскресаютъ въ головѣ эти обрывки фразъ, вмѣстѣ со всѣми этими «тактическими, стратегическими» и еще какими-то военными терминами, не до конца понятными и оттого еще болѣе внушительными и грозными.

Тогда я всѣмъ своимъ существомъ противилась, упиралась передъ этими соблазнительными перспективами, раскрывшими настежь двери—въ который разъ!—радужнымъ надеждамъ и пылкой вѣрѣ. Слишкомъ ужъ устала, истомилась душа отъ несудачъ, отъ гнета всѣхъ кошмаровъ русской жизни—казней, разстрѣловъ, карательныхъ экспедицій, грубыхъ насилій и утонченныхъ звѣрствъ, крови и грязи,—и отъ всей атмосферы случайностей и неожиданностей, безсильными жертвами которыхъ, какъ игрушками капризной стихіи, являлись, казалось, всѣ мы. Терялась вѣра, сила враждебныхъ намъ обстоятельствъ вырастала въ нѣчто неизмѣримо грозное, огромное,—и мы передъ нею оказывались какими-то карликами, тщетно хватающимися за колеса исторіи, чтобы быть ими раздавленными и отброшенными куда-то въ сторону и лежать тамъ съ перебитымъ спиннымъ хребтомъ въ прахъ и пыли.

Въ разговорахъ съ Дмитріемъ и Никитой всякій разъ предо мною вставала въ особенности одна картина изъ недавняго прошлаго. Маленькій губернский городъ въ глухой провинціи, куда тоже докатилось, расходясь концентрическими кругами отъ столицъ, всеобщее волненіе.

Здѣсь творится нѣчто ранѣе неслыханное. Соціалистическіе ораторы открыто выступаютъ на массовыхъ митингахъ. Чуть не полсотни агитаторовъ разъѣхалось по деревнямъ. Безпрепятственно работаютъ двѣ, даже три социалистическихъ типографіи, выпуская горы листовъ, которые открыто продаются, раздаются и кипами рассылаются въ деревню. Собирается губернской сѣздъ Крестьянскаго Союза. На сѣздѣ являются привѣтственные депутаціи отъ солдатъ мѣстнаго гарнизона, и публично обѣщаютъ поддержать народъ, если понадобится, силою штыковъ.

Какъ хорошо все шло, пока дѣло оставалось въ области словъ! Какъ мощно росло движеніе! Какимъ энтузіазмомъ горѣли сердца! Какъ властно звучало убѣжденное слово нашихъ ораторовъ, вожаковъ, лидеров! Такъ вѣрилось имъ и такъ вѣрилось въ нихъ. Вотъ, казалось, люди, которые знаютъ и цѣль и пути къ ней. Кто имъ не вѣрилъ бы себя всецѣло, кто не пошелъ бы за ними всюду, за ними, кого толпа готова была на рукахъ носить!

И вдругъ... какой страшный, какой подавляющій контрастъ! Отъ словъ вдругъ пришлось перейти къ дѣлу, и перейти въ такой моментъ, когда все ясное вокругъ вдругъ сдѣлалось темнымъ, все понятное—дико безсмысленнымъ, все простое—безконечно сложнымъ. Откуда-то вдругъ надвинулся черный туманъ, темныя силы заполонили все. Въ городѣ странная стукотня выстрѣловъ, то и дѣло говорятъ о новыхъ убитыхъ и раненыхъ, пляшутъ передъ глазами эти зловѣщія цифры. И солдаты, тѣ самые солдаты, что два дня тому назадъ клялись въ вѣрности народу,—это они обагряютъ кровью мостовыя площади и улицъ. А вотъ и толпа. Она по прежнему сильна числомъ, передъ глазами мелькаютъ сотни лицъ. Но какіе же всѣ они другіе! По истинѣ стадо безъ пастыря! Они ищутъ глазами тѣхъ, отъ кого привыкли ждать указаній, и словно молятъ: «Скажите же намъ, что дѣлать! Ведите насъ!»

Вести? Куда? Какъ?.. Они были хорошими провѣдниками съ социалистической кафедры, бродячими лекторами импровизированнаго всенароднаго политическаго университета—эти ихъ руководители. Но какъ имъ превратиться въ офицеровъ, въ полководцевъ уличнаго движенія? Они умѣли побуждать темныя силы въ словесномъ бою, умѣли двигать аргументы противъ аргументовъ, группировать въ стройные ряды доказательства, бомбардировать горячими, краснорѣчивыми доводами,—но и только. И я помню, какъ чуть не скрежеща зубами отъ безсилія, хватался въ отчаяніи за голову человѣкъ, который еще вчера какъ диктаторъ держалъ въ своихъ рукахъ тысячную